

ЮРИЙ РУБЦОВ

доктор исторических наук

С НЕНАВИСТЬЮ ИЛИ С ЛЮБОВЬЮ?

В прорези “прицела” — история войны

За последние два десятилетия набрало силу фронтальное наступление на национальную память, на историческое сознание наших соотечественников. Воспользовавшись начавшимся со второй половины 80-х годов прошлого столетия нормальным и необходимым процессом очищения прошлого от умолчаний, искажений и идеологического глянца, определенные силы как внутри страны, так и за рубежом под предлогом “нового прочтения” истории России, особенно ее советского периода, тщатся представить дела наших отцов и дедов как “уцененные” историей.

Объектом особых нападок “новопрочтенцев” стала история Великой Отечественной войны в полном соответствии с чудовищным замыслом небезызвестного Резуна*: разрушить в сознании россиян последнее, что сохраняет святость, что объединяет всех нас — память о Великой Победе. Кредо этого перебежчика разделили десятки журналистов, писателей, кинематографистов и тысячи графоманов. Как ни покажется удивительным, их взгляды до сих пор питает банальный антисоветизм. Советского Союза нет уже полтора десятилетия, а вот поди ж ты... Есть и еще одна сторона дела: клевета на наше прошлое стала весьма доходной профессией.

Раньше таких авторов называли фальсификаторами истории, но их настоящее имя — исторические реваншисты. В их рядах самая разношерстная публика: от заокеанских русофобов и покровителей эсэсовских легионеров

* Публиковался под псевдонимом Суворов.

РУБЦОВ Юрий Викторович — доктор исторических наук, профессор Военного университета МО России, действительный член Академии военных наук России. В 1977 году окончил исторический факультет Ростовского государственного университета. С 1982-го по 2002 годы служил в Вооруженных Силах СССР и России: заместитель командира роты по политической части, корреспондент окружной газеты, начальник отдела — член редколлегии газеты “Красная звезда”, начальник отдела Экспертно-аналитического управления Генерального штаба ВС РФ. Полковник запаса. Специалист в области истории периода между двумя мировыми войнами и Великой Отечественной войны. Автор более 100 научных публикаций. Член исполнительного совета Ассоциации историков Второй мировой войны при Национальном комитете историков России, лауреат премии Академии военных наук им. Суворова

в Прибалтийских государствах до доморощенных интеллектуалов-конъюнктурщиков. Конечно же, свои карты они не раскрывают. Однако не вызывает сомнения, что ими реализуется направленная против современной России масштабная информационно-пропагандистская кампания, цель которой – переложить ответственность за развязывание войны на Советский Союз и переиграть ее итоги. Запад приступил к этому, не дожидаясь, пока стихнет гул сражений Второй мировой, а потом ему на подмогу подтянулись и реваншисты отечественного разлива.

Сегодня нас принуждают полностью сдать позиции, которые всегда считались незыблемыми, потому что отражали объективную реальность. А именно: усвоить, что все в нашей истории было либо “неправильным”, либо преступным; признать агрессором не фашистскую Германию, а Советский Союз; не возражать против утверждения, что наши полководцы – бездари, способные побеждать врага не иначе, как большой кровью, а солдаты шли в бой лишь из-за страха перед заградительными отрядами и “Смершем”. Реваншисты требовали праздновать, по сути, не Великую Победу над нацизмом, а “юбилей” штрафбатов и заградотрядов, депортаций и оккупаций.

То, что фашизму в 40-е годы прошлого века не удалось добиться оружием, его наследники, независимо от национальности, тщатся достичь с помощью информационных и психотехнологий.

Так, эмигрировавший из СССР еще в 70-е годы бывший сотрудник радиостанции “Свобода” В. В. Белоцерковский (сын писателя В. Н. Билль-Белоцерковского) в книге “Путешествие в будущее и обратно” не сомневается, что ярким свидетельством нежелания советских людей воевать за сталинский режим была чуть ли не сплошная сдача наших воинов в плен, а также учреждение в 1941 г. заградительных отрядов, которые “должны были стрелять в отступавших солдат... По данным комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, заградительными отрядами и “Смершами”, – не моргнув глазом утверждает он, – было убито около миллиона солдат и командиров Красной армии!”

Что этим человеком руководит не стремление к истине, а неприязнь ко всему советскому, видно из “методики” его работы. Из каких материалов какой “комиссии” заимствовал он приводимую им цифру в 1 млн уничтоженных заградотрядами и отделами контрразведки “Смерш”? Да и цитировать по памяти, искажая при этом тост Сталина о русском народе на приеме в Кремле 24 мая 1945 г., который был сразу же опубликован, неоднократно воспроизводился и прокомментирован историками (см., например: Не в е ж и н В. А. Застольные речи Сталина. Документы и материалы. М.–СПб., 2003. С. 462–472), значит не просто неряшливо выполнять взятое на себя дело, а дать читателям понять: условие задачи может быть любым, но ответ ясен заранее.

Несколько изданий в России и США выдержала книга Г. Х. Попова “Три войны Сталина”. Он, бывший политик и ученый-экономист, претендует на “особый взгляд на роль Великой Отечественной войны в истории нашего государства, в жизни советских людей и в будущем России”. По сути, вся “особость” обернулась вариацией давно растиражированной и не подкрепленной сколько-нибудь серьезными аргументами версии о некоем упреждающем ударе по фашистской Германии, который якобы планировало руководство СССР. Автор щедро раздает обвинения в адрес и Сталина (мол, из-за его “непоколебимого стремления к уничтожению фашистской Германии” союзники не торопились с открытием второго фронта), и нынешнего российского руководства (“я хочу надеяться, что наши лидеры... скажут народу правду: коммунистический режим Сталина собирался первым напасть на Германию”), и ветеранов войны, которым “не хватило ни интеллекта, ни мужества выступить за реформы сталинского социализма”, а “ведь у вас в руках было оружие”.

Ну, прямо по Ильичу: превратим войну империалистическую в войну гражданскую. Правда, в реалиях 1941–1945 годов претворение в жизнь этого ленинского тезиса времён Первой мировой означало бы открытие фронта гражданской войны в тылу Отечественной и... неизбежную, в таком случае, победу Германии. Но автора это вполне устраивает, он и имя нового лидера постбольшевистской России знает. Кто бы это был? Не поверите – Власов. Вот вам и обещанный Гавриилом Харитоновичем “особый взгляд”.

Автор сценария скандально известного телесериала “Штрафбат” Э. Я. Володарский, чтобы доказать любимый им тезис о советских военачаль-

никах-“мясниках”, утверждает, что Красная Армия потеряла при взятии Берлина – 600 тысяч, а Будапешта – 200 тысяч. На самом же деле безвозвратные потери в Берлинской стратегической наступательной операции составили 78,3 тыс., а в Будапештской – 80 тыс. человек. В этом сознательном превышении и без того немалых утрат (именно сознательном, поскольку познакомиться с научными подсчетами потерь сегодня не составляет труда) видится крайний цинизм автора. Чем в таком случае он лучше тех, кого уличает в пренебрежении человеческими жизнями, если для него самого неважно: сотня тысяч людей туда, сотня тысяч – сюда.

Декларирующее стремление к истине Володарский не взял за труд даже вчитаться в список штрафных частей, приведенный в его же собственном фильме, многократно и произвольно увеличив их количество (“Аргументы и факты”, 2005, № 5). Впору спросить: “Собственный фильм хоть смотрели-то, Эдуард Яковлевич?”

И таких опусов сегодня пруд пруди. Люди, требующие “нового прочтения” истории войны, самоуверенны, агрессивны, претендуют на открытия, хотя, как правило, ни ранее неизвестных фактов не приводят, ни поиском аргументов себя не затрудняют. Зато не скупятся на самые нелепые упреки, обвиняя несогласных с ними в репродуцировании сталинистских концепций.

Сюжеты, связанные с репрессиями, поражениями Красной Армии, потерями, пленом, коллаборационизмом, особыми отделами, штрафными частями, заградительными отрядами, рассматриваются “новопрочтенцами” как наиболее подходящие для их целей.

Кто спорит: болевые точки войны еще кровоточат, их надо врачевать истиной, и историки многое делают для этого. Хотя, наверное, не все и не так глубоко и основательно, как можно и должно это делать. Но сдаётся, в этом-то как раз наши оппоненты не заинтересованы. **Не научного поиска истины, а покаяния ждут они от нас. Бесконечного и унижительного покаяния, уничтожения, втапывания в грязь памяти о войне.** “Новопрочтенцы” делают вид, что прицеливаются в коммунизм, а на самом деле, переиначивая известное выражение философа Александра Зиновьева, и метят, и попадают в Россию. Знают, что сегодня священная память о Победе едва ли не единственная скрепа, воедино стягивающая весь наш народ от мала до велика, не дающая ему распасться по поколениям, по национальности, по вере, по территории.

Парадокс (а может, наоборот, примета?) нашего времени состоит в том, что такого рода книжная, кино- и телепродукция, ток-шоу (вроде “Культурной революции” Михаила Швыдкого с его настойчивыми поисками “русского фашизма”) производятся на бюджетные деньги и популяризируются на государственных телеканалах. Далеко за примерами ходить не надо: на производство того же “Штрафбата” ВГТРК отпустила 2,2 млн долларов. Не из средств ли, выделенных Российским оргкомитетом “Победа” на празднование годовщины разгрома фашизма?

Если не бояться прямоты в оценках, то сквозная идея такого рода книг, фильмов, телепередач сводится к незамысловатой формуле: гитлеровской Германии в Великой Отечественной войне противостоял один сплошной лагерь, гигантский штрафной батальон. Доктор филологии Б. В. Соколов, известный “своеобразными” оценками советской истории, сплошь и рядом граничащими с ее извращением, так прямо и заявлял, рецензируя творение сценариста Э. Я. Володарского и режиссера Н. Н. Досталы: “Штрафбат – это как бы модель всей России в миниатюре. И в фильме правильно показано, что власть рассматривала весь народ как пушечное мясо, и победа была достигнута этими людьми, одновременно и сильными, и слабыми. Сильными – потому что сражались в нечеловеческих условиях, слабыми – потому что допустили, что с ними так обходились”.

Очень похожее мнение высказал и рецензент государственного СМИ – “Парламентской газеты”: “По сути, “Штрафбат” – это сага обо всей нашей стране, бывшей в те годы огромным штрафным батальоном...”

Итак, один сплошной штрафбат, один концентрационный лагерь. Советский Союз предстает страной, где если не все, то каждый второй раскулачен, выслан, лишен прав, и девять из десяти ненавидят власть. Где солдаты поголовно сдаются в плен, где остаткам войск не остается ничего иного, как воевать, ибо с тыла на них нацелены пулеметы заградотрядовцев, и где бездар-

ные генералы добиваются успеха лишь потому, что без сожаления заваливают противника горами трупов своих солдат.

“Новопрочтенцы”, по сути, подталкивают к мысли, что действия фронтовиков определял глубокий конфликт Родины и сталинского государства, которое во всем противостояло народу. Не будь заградотрядов и особых отделов, не существой гигантская машина подавления, никто бы, де, и воевать не стал.

Согласиться с этим не дает сама военная действительность.

Правда майора Ершова

В романе В. С. Гроссмана “Жизнь и судьба” есть герой майор Ершов. Читатель знакомится с ним в тот период, когда офицер, находясь в гитлеровском концентрационном лагере, готовит антифашистское восстание. Жизнь его до войны, говорится в книге, “была нехороша”. Его отца, крестьянина Воронежской губернии, вместе с семьей раскулачили и отправили на Северный Урал в качестве спецпереселенца.

В войну майор оказался в плену, в гитлеровском лагере, где заключенных агитировали вступать во власовскую армию. Ершов отверг сладкоголосых агитаторов. Казалось бы, почему, ведь его семья пострадала при советской власти?

Вновь откроем страницы романа: “Иногда он спрашивал себя: почему ему так ненавистны власовцы? Власовские воззвания писали о том, что рассказывал его отец. Он-то знал, что это правда. Но он знал, что эта правда в устах у немцев и власовцев – ложь”.

Ершов (добавим: как и миллионы его прототипов) и подумать не мог, чтобы негативное отношение к Сталину и политическому режиму обернуть братанием с фашистами и предателями Отечества.

Зададимся вопросом: если, как нас уверяют те же авторы фильма “Штрафбат”, действия его героев определяет неразрешимый конфликт Родины и сталинского государства, то почему штрафники не переходили на сторону врага, беря пример с тех же власовцев? Ведь в борьбе со сталинским политическим режимом лучшего союзника антисоветским силам, казалось бы, не сыскать.

Ответ есть и самый верный – у участников войны. Бывший командир штрафной роты Е. А. Гольбрайх передает общее настроение, вспоминая, как люто фронтовики ненавидели власовцев, а сегодня им так же ненавистны попытки выставить бывших коллаборационистов борцами за “свободную Россию”. “Для нас, фронтовиков, они были и есть – предатели и изменники!.. Даже если обойтись без патетики, ответьте: если твой вчерашний однополчанин одел вражескую форму и повернул оружие против своих, кто он? Борец с коммунистами и евреями? Противник колхозного строя? Или сволочь, предавшая свой народ?”

Служба Гитлеру стала бы самоубийством – это отчетливо понимало большинство даже противников и обиженных советской властью: от проживавшего в эмиграции генерала А. И. Деникина до рядового красноармейца, сына раскулаченного крестьянина. Нельзя не согласиться с Н. А. Нарочницкой: “Для них сохранение любимого Отечества для будущих поколений было выше желания увидеть при жизни крах ненавистного “режима”... Они не отождествляли Россию с “большевистской властью”. А власовцы, похоже, считали, что лучше никакой России, чем Россия большевистская”.

С самим Власовым и другими лидерами коллаборационистов, хорошо знавшими, за какую цену покупается милость гитлеровской клики, все ясно: для них было лучше оказаться мёртвым, чем красным, они не остановились бы и перед похоронами самого Отечества, если бы это было условием похорон сталинского государства. Обратим внимание на то, как это созвучно с либеральными настроениями сегодняшних реваншистов от истории.

Что касается основной массы рядовых коллаборационистов, то только крайне наивные люди могли считать, что гитлеровская пропаганда обличала язвы сталинского режима лишь в целях изменения политической системы в СССР (именно поэтому майор Ершов воспринимал гитлеровскую и власовскую пропаганду как ложь, хотя формально она и содержала иногда действительные факты).

Нет, нацистские лидеры не ограничивали свои задачи оккупацией территории Советского Союза, порабощением ее народов и истощением ее материальных ресурсов. “Наши задачи в отношении России – разгромить ее вооруженные силы, уничтожить государство”, – заявил А. Гитлер на совещании с командным составом вермахта 30 марта 1941 г. И дополнительно уточнил: **“Речь идет о борьбе на уничтожение”**.

В свое время советская официальная пропаганда и историческая наука, рассматривая причины агрессии Германии против СССР, излишне загоняли их в рамки классовой и идеологической борьбы. Лозунги борьбы с коммунизмом были для фюрера в большой степени риторикой. Очевидно, что война между Германией и Советским Союзом стала проявлением извечного противостояния западноевропейской и восточнославянской цивилизаций, взаимного неприятия и непонимания различных по своей сути духовно-религиозных ценностей и образа жизни. С первого же дня методы ведения войны Германией определялись расовой ненавистью и неизвестной даже диким зверям лютой жестокостью. По планам гитлеровской клики Советский Союз был обречен на ликвидацию, а население страны предполагалось уменьшить до нескольких десятков миллионов человек, единственная задача которых состояла в обслуживании оккупантов в качестве рабов.

Гитлер освободил своих генералов, офицеров и солдат от какой-либо моральной и юридической ответственности за совершаемые ими преступления, объявив химерой те правила ведения войны, которые в предшествующие десятилетия выработало человечество – щадить мирное население, не поднимать оружие на детей, гуманно относиться к пленным. “...Убивай всякого русского, советского, не останавливаясь, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик, – убивай, этим ты спасешь от гибели себя, обеспечишь будущее своей семьи и прославишься на века”, – вдалбливали в головы немецких солдат и офицеров накануне “восточного похода”.

Приведем выразительный диалог, состоявшийся на процессе над военными преступниками в Нюрнберге в 1945 г. Обергруппенфюрер СС Э. Бах-Зелевски показал, что на состоявшемся в начале 1941 г. совещании рейхсфюрер СС Г. Гиммлер заявил: одной из целей похода против СССР должно стать “сокращение числа славян на 30 миллионов человек”. На вопрос адвоката, чем объяснялась такая постановка цели, бывший эсэсовец вынужден был дать саморазоблачительный ответ: “Это явилось логическим следствием всего нашего национал-социалистского мировоззрения... Если десятилетиями проповедуют, что славяне являются низшей расой... – неминуем именно такой результат”.

В связи с этим обвинитель от СССР Р. А. Руденко закономерно отмечал, что от приказов Кейтеля, Геринга, Деница, Йодля, Рейхенау, Манштейна, а также других гитлеровских военачальников проложен кровавый след к многочисленным злодеяниям, совершенным на оккупированной территории.

Разумеется, абсолютному большинству наших соотечественников не были заранее известны геополитические и расистские расчеты гитлеровского режима. Но опыт прошлых войн против России, да и практические действия нацистов подсказывали, что цена начавшейся 22 июня 1941 года войны – не потеря территории, не падение правительства, а утрата всего на той земле, где растут твои дети и в которой лежат десятки поколений твоих предков.

Именно в силу этой убежденности миллионов советских людей первый же шаг фашистов через границу стал началом их конца. Великая Отечественная война, невиданная по испытаниям, вызвала невиданный же всплеск самопожертвования и героизма, как массового, так и индивидуального. Не случайно историки называют фронтовое поколение Великой Отечественной войны феноменом XX века.

Рядовой и генерал, ополченец и кадровый военный, немолодой колхозник, воевавший еще в Первую мировую, и вчерашний десятиклассник-москвич, солдат, бросавшийся со связкой гранат под вражеский танк, и медицинская сестра, сутками не уходившая из больничной палаты, моряк и пехотинец, партизан и зафронтной разведчик – все проявили редкое понимание выпавшей на их долю личной ответственности за судьбу страны, за свое будущее и будущее своих потомков. Тонко подметил и точно выразил в стихах этот феномен поэт-фронтовик Семен Гудзенко:

*...Это наша судьба, это с ней мы ругались и пели,
Поднимались в атаку и рвали над Бугом мосты.
...Нас не нужно жалеть: ведь и мы никого б не жалели,
Мы пред нашей Россией и в трудное время чисты.*

Вопреки ходячим утверждениям, эти люди не были послушными “винтиками” какого бы то ни было режима. Строй, при котором они жили больше двух десятилетий, был советским, идеология – коммунистической, то есть интернационалистской. Но – грянула военная гроза, и оказалось, что святые понятия Родины и Отечества не отступили на задний план.

Риторические вопросы “новопрочтенцам”

Люди шли на смертный бой “с фашистской силой чёрною, с проклятою ордой”, защищая отчий край, который топтал фашистский сапог, своих детей, в которых стрелял ненавистный “фриц”, тот привычный и до боли любимый мир, на который покусился враг.

Думали ли генералы вермахта, что Брестская крепость, на взятие которой отводилось каких-нибудь час-два, будет держаться месяц? Авангарды фашистских войск были уже за Смоленском, а над Бугом все еще грохотала канонада. Руины отзывались то пулеметной очередью, то треском винтовочных выстрелов, то взрывом гранаты.

Свидетельством редкого мужества и стойкости защитников крепости стали надписи, оставленные ими на стенах крепостных казематов и бастионов. “Нас было пятеро: Седов, Грутов И., Боголюб, Михайлов, Селиванов В. Мы приняли первый бой 22. VI. 1941. Умрем, но не уйдем!” “1941. 26 июня. Нас было трое, нам было трудно. Но мы не пали духом и умрем как герои”. “Я остался один. Жунтяев и Степанчиков погибли. Немцы в самой церкви. Осталась последняя граната, но живым не дамся. Товарищи, отомстите за нас. 1941 г.”. “Умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина! 20/VII-41”.

Имена бесстрашных защитников крепости П. М. Гаврилова, И. Н. Зубачева, Е. М. Фомина, А. М. Кижеватова и многих других удалось установить лишь после войны. Сегодня память героев увековечивает мемориальный комплекс, сооруженный на территории крепости. На каменной глыбе высотой более 30 метров высечен величественный лик воина. В его мужественных чертах выражена непоколебимая стойкость и воля к победе.

Вопрос “новопрочтенцам”: какая “кара” со стороны власти заставляет этих людей стоять насмерть?

Война, едва начавшись, сразу стала всенародной. Тяжесть обрушившегося на страну удара дала людям понять: одна кадровая армия с врагом справиться не сможет. 22 июня 1941 г. была объявлена мобилизация призывных возрастов, но и помимо этого в строй становились все, кто мог. В военкоматах выстраивались длинные очереди добровольцев (пусть иронически улыбаются наши оппоненты – так было). Сюда шли и те, кто еще не достиг призывного возраста, и те, кто давно уже из этого возраста выбыл, имел отсрочки или бронь, но не желал ими пользоваться. Всего по стране заявления о записи в народное ополчение подали свыше 4 млн человек. Половина из них смогла влиться в действующую армию. Остальных оставили в тылу в основном по самой уважительной причине – возраст и состояние здоровья.

Уже летом и осенью 1941 г. из добровольцев, прежде всего Москвы и Ленинграда, было сформировано около 60 дивизий, 200 отдельных полков, большое количество истребительных батальонов, женских авиаполков.

Воевали за Родину, приближали победу, без преувеличения, все: от мала до велика. На фронте и во вражеском тылу, на заводе и в колхозе. И “ярость благородная”, когда за мыслями о Родине, большой и малой, о детишках частенько некогда было думать о собственной судьбе, определяла психологическое состояние фронтового поколения.

Иначе откуда взялась бы беспредельная стойкость защитников Брестской крепости, Таллина, Моонзундских островов и полуострова Ханко, Одессы и Севастополя, Ленинграда и Москвы, Смоленска и Сталинграда, могучий наступательный порыв воинов, освобождавших Киев и Ростов-на-Дону, Харьков и Кишинев, бравших штурмом Кенигсберг и Варшаву, Белград и Берлин? Это

о них на бетонной плите Мамаева кургана в Волгограде высечены бессмертные слова: “Железный ветер бил им в лицо, а они все шли вперед, и снова чувство суеверного страха охватило противника: люди ли шли в атаку, смертны ли они!”. А в пантеоне, завершающем экспозицию Сталинградской битвы, – слова, содержащие ответ: “Да, мы были простыми смертными, и мало кто уцелел из нас, но все мы выполнили свой патриотический долг перед священной матерью Родиной”.

Великая Отечественная война изобиловала таким количеством подвигов, что воистину теряешься, делая выбор, на каком из них задержать внимание. Сколько их было – поступков необычных, легендарных, превосходивших, казалось, все человеческие возможности!

Но начать следует, пожалуй, с подвига русской матери – Епистинии Федоровны Степановой. Девять сыновей вырастила эта женщина с Кубани. Старший – Александр погиб в Гражданскую войну, Федор не вернулся с Халхин-Гола. Семерых парней, одного за другим, проводила она на Великую Отечественную – и всех семерых забрала война.

Павел, служивший на западной границе, в первые же дни 1941 г. пропал без вести. Василий попал в окружение, ушел в партизаны, был захвачен гитлеровцами и расстрелян. Трое сыновей – Иван, Илья и Александр погибли в 1943 г., Филипп умер в 1945 г. в фашистском лагере под Падерборном. Николай вернулся домой инвалидом и умер от полученных на войне ран.

Последним уходил на фронт самый младший – Саша, названный так в память о старшем брате, первенце Епистинии Федоровны. Может быть, в его гибель мать не хотела верить больше всего. Но пришло от командира дивизии письмо: “Гвардейцы роты старшего лейтенанта Александра Степанова первыми из своей части переправились на правый берег, отбили семь домов на окраине села Селище. Но патроны быстро кончились. Товарищ Степанов уничтожает 15 солдат и офицеров, потом подрывает себя гранатой, и вместе с ним гибнет группа фашистов”. 25 октября 1943 г. А. М. Степанову было присвоено звание Героя Советского Союза.

В Тимашевске Краснодарского края установлен памятник Матери, без остатка отдавшей Родине все самое дорогое. Епистиния Федоровна сидит, сложив на колени руки, и смотрит на дорогу. Будто ждет не вернувшихся с фронта сыновей...

Вопрос “новопрочтенцам”: если простая крестьянка действительно ненавидела советское государство, что же она не прятала сыновей от мобилизации, а благословляла их на честное исполнение воинского долга?

Одним из высших проявлений героизма наших воинов стали подвиги самопожертвования, когда во имя высокой цели – выполнения боевой задачи, спасения товарищей они готовы были отдать самое дорогое – жизнь. Кое-кто из современных авторов готов увидеть за этим чуть ли не признак примитивного развития, атрофию инстинкта самосохранения. Думается, собственная атрофия способности к сопереживанию не позволяет таким “публицистам” увидеть подлинную высоту духа и мужество героев.

Свыше 200 раз советские воины закрывали своим телом амбразуры вражеских дзотов и дотов. Традиционно подобный самоотверженный поступок связывают с именем рядового Александра Матросова: ценой своей жизни он заставил умолкнуть вражеский дзот в феврале 1943 г. в бою в районе деревни Чернушки Псковской области.

Справедливость требует отдать должное политруку роты 125-го танкового полка 28-й танковой дивизии Александру Панкратову, первым в годы Великой Отечественной войны совершившему такой подвиг самопожертвования 24 августа 1941 г. В наградном листе на присвоение отважному воину звания Героя Советского Союза говорится: “При штурме Кирилловского монастыря противник открыл сильный огонь. Левофланговый пулемет противника не давал возможности группе храбрецов во главе с Панкратовым войти в расположение монастыря. Тогда Панкратов вырвался вперед на пулемет, бросил гранату, ранил пулеметчика. Пулемет на время замолчал. Затем снова открыл бешеный огонь. Политрук Панкратов с возгласом “Вперед!” вторично бросился на пулемет и своим телом закрыл губительный огонь противника”.

Характерная деталь: нет сведений ни об одном из фашистских солдат, решившихся на подобный поступок. Воистину, такую высоту духа способна вызвать лишь священная война за Отечество.

Бывали случаи, когда сила воздействия такого подвига заставляла сослуживцев тут же поддержать пример героя. В одном бою закрыли амбразуры врага сержант Иван Герасименко, рядовые Александр Красилов и Леонтий Черемнов.

Вопрос “новопрочтенцам”: какие пулеметы заградотрядовцев заставляли бойцов следовать старому правилу русского воинства: “Сам погибай, а товарища выручай!”?

В противоборстве с врагом советские воины широко применяли таранные удары. Отсутствие боеприпасов или выход из строя оружия вовсе не означали, что боевая техника в мастерских руках переставала разить фашистов. Широкое распространение получили воздушные тараны. По имеющимся сведениям, их применили около 500 советских летчиков.

Уже при отражении первого налета фашистских стервятников 22 июня Д. В. Кокорев недалеко от Белостока, Л. Г. Бутелин в Прикарпатье, старший лейтенант И. И. Иванов под Ровно, лейтенант П. С. Рябцев в районе Бреста прибегли к такому приему боя. Героем первого дня войны стал летчик-истребитель А. С. Данилов, сбивший в районе Гродно пять фашистских самолетов. Во время первого боевого вылета он уничтожил две боевые машины врага. Вылетев вторично, атаковал группу “мессершмиттов”. До того, как израсходовал все боеприпасы, успел сбить еще два самолета, а затем таранил третий. Долго считалось, что отважный и умелый летчик погиб. Но Андрей Данилов выжил, оправившись от ран, дрался с фашистами над Волховом, Ленинградом, участвовал в освобождении Белоруссии, взятии Берлина.

Первый в годы Великой Отечественной войны ночной таран совершил в небе Москвы старший лейтенант П. В. Ермолаев. В ночь на 29 июля в районе Истры, израсходовав боеприпасы, он винтом своего самолета МиГ-3 отрубил у бомбардировщика Ю-88 часть стабилизатора и руль поворота, сам же благополучно приземлился на парашюте. Широко известным в стране стал подвиг младшего лейтенанта В. В. Талалихина, долгое время считавшегося автором первого ночного тарана. Свой подвиг он совершил в районе Подольска 7 августа 1941 г.

Мастерство и точный расчет позволили многим из наших летчиков не только остаться в живых, но и спасти свои боевые машины. Более 20 летчиков совершили по два тарана, А. С. Хлобыстов – три, а Б. И. Ковзан – даже четыре, что не смог повторить ни один летчик в мире. Исключительное мастерство проявил в июле 1941 г. в небе над Могилевом командир эскадрильи старший лейтенант Н. В. Терехин. Он стал первым летчиком, который в одном бою сбил три вражеских самолета, из них два – с помощью тарана, при этом офицер остался жив.

В первые же дни войны несколько советских авиаторов прибегли к так называемым “огненным” таранам, сознательно направляя свои подбитые и горящие машины на скопление живой силы и техники врага. Всенародную известность приобрел подвиг экипажа капитана Н. Ф. Гастелло, совершенный 26 июня в 50 км от Минска над шоссе Радошковичи – Молодечно. Пылающую машину он направил на колонну вражеской техники.

Как выяснилось впоследствии, это не первый по счету “огненный” таран. 24 июня бомбардировщик, ведомый капитаном Г. А. Храпаяем, в районе Броды был подбит зенитной артиллерией. “Умираем за Родину!” – передали в эфир последние слова капитан Храпай, штурман Филатов и стрелок-радист Тихомиров и направили горящий самолет в середину моста, по которому двигалась немецкая техника.

Всего за годы войны право встать в один строй с Храпаяем и Гастелло стяжали члены более 300 экипажей, то есть свыше 600 летчиков, штурманов, стрелков-радиотов.

Самопожертвование наших воинов не знало предела. В момент опасности они своим телом закрывали командиров и друзей по оружию от пуль и осколков. Исчерпав все средства, со связками гранат бросались под фашистские танки и, жертвуя собой, уничтожали их. Будучи окруженными противником, подрывали последней гранатой себя и гитлеровцев, предпочитая умереть, нежели попасть в плен. Летчики нередко сажали свою боевую машину в расположении врага и под его обстрелом, чтобы вывезти товарища, чей самолет был только что подбит. Танкисты выводили из-под огня на буксире подбитые машины товарищей. Общевоинские командиры, артиллерийские разведчики,

корректировщики, связисты ради уничтожения врага и решения во что бы то ни стало боевой задачи, заведомо рискуя жизнью, вызывали на себя артиллерийский и минометный огонь. В критической обстановке в эфир летели мужественные слова, звучавшие как приказ: “Огонь на меня!”.

Они что, делали это из-за страха быть расстрелянными osobистами? Это – тоже вопрос “новопрочтенцам”.

В годы войны более 11,5 тыс. человек стали Героями Советского Союза. В их числе – представители всех видов Вооруженных сил и родов войск: бойцы и командиры стрелковых частей и соединений, танкисты, артиллеристы, авиаторы, моряки, кавалеристы, а также пограничники, партизаны, подпольщики.

Геройского звания удостоивались люди, независимо от возраста, национальности, пола, служебного положения, главным критерием был подвиг. Среди военнослужащих Героев – почти 4 тыс. солдат, матросов, сержантов и старшин, свыше 7 тыс. младших и старших офицеров, около 230 генералов, адмиралов и маршалов. В числе Героев военного времени – 87 женщин.

Первой этого звания была удостоена посмертно З. А. Космодемьянская. Вчерашняя школьница, она добровольно прошла обучение в разведшколе Западного фронта, дважды успешно переходила линию фронта. В ноябре 1941 г. при выполнении задания в Рузском районе Подмосковья была схвачена немцами. Несмотря на пытки, девушка отказалась отвечать на вопросы оккупантов о цели задания и составе диверсионной группы. 29 ноября Зоя была казнена в деревне Петрицево. Поскольку немцы согнали на ее казнь многих местных жителей, доподлинно известны ее последние слова, брошенные в лицо палачам: “Вы меня сейчас повесите, но я не одна. Нас двести миллионов. Всех не перевешаете. Вам отомстят за меня!” Зная, что наступают последние секунды ее жизни, она еще и подбадривала своих соотечественников: “Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь...”

В тылу, во вражеском заключении до конца боролись наши военнопленные. Большинство из них не желали мириться со своей участью: бежали при любой возможности, устраивали диверсии в местах, куда их направляли на работы, вели в лагерях подпольную работу, выявляли и уничтожали провокаторов и даже устраивали восстания против своих истязателей. Известно, например, что в одном из самых страшных концентрационных лагерей – Бухенвальде – действовал конспиративный центр. Состоявшие в нем советские патриоты добывали и распространяли среди других военнопленных сводки Советского Информбюро, спасали товарищей от голодной смерти и репрессий, добывали оружие и боеприпасы для вооруженного восстания.

Примером мужественного сопротивления врагу в условиях заключения стало поведение плененных советских генералов Х. Н. Алавердова, Д. М. Карбышева, Н. К. Кириллова, М. Ф. Лукина, И. Н. Музыченко, П. Г. Понеделина.

Вопрос “новопрочтенцам”: чем “ненавистное” государство подкупило Зою Космодемьянскую, Дмитрия Карбышева, десятки, сотни тысяч таких же героев, чтобы перед лицом смерти они вели себя столь мужественно?

Воевал фронт, воевали партизаны. А материальную базу грядущей Победы закладывал тыл. С июля по декабрь 1941 г. из угрожаемых районов в Поволжье, на Урал, в Западную и Восточную Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию было эвакуировано почти 2,6 тыс. предприятий, из них половина – уже в первые три месяца войны. В тыловые районы железнодорожным и водным транспортом были также вывезены более 12 млн человек.

О крайнем напряжении, с которым был вынужден работать железнодорожный транспорт, говорит следующая цифра: на все эвакуационные перевозки 1941 г. потребовалось более 1,5 млн вагонов. Выстроенные в одну линию, они заняли бы путь от Бискайского залива до Тихого океана.

Вывести промышленный потенциал из прифронтовой зоны было половиной дела. Стены заводских цехов начинали расти на новом, как правило, непригодном месте. Строители испытывали острый недостаток в квалифицированных кадрах, строительных материалах, не хватало жилищ для вновь прибывших. Но как только оборудование устанавливали на фундамент, подводили коммуникации, станки начинали работать, зачастую еще под открытым небом.

Так закладывался, например, легендарный Танкоград – завод по производству тяжелых танков КВ, созданный в Челябинске на базе эвакуированного из Ленинграда Кировского завода, московских заводов “Красный пролетарий” и шлифовальных станков, части Сталинградского тракторного завода. На выпуск танковой техники перешли также Ижорский завод (на “Уралмаше”), Горьковский автомобильный завод. Всего в строй действующих вошли восемь танкостроительных, шесть корпусных и три дизельных завода. Так, к концу 1941 г. всего за несколько месяцев в глубоком тылу страны была заново создана танковая промышленность.

На Урале и в Сибири формировалась и новая металлургическая база. За решение важнейшей задачи – дать в короткий срок и в достаточном количестве черный металл, необходимый для производства брони, взялись коллективы Магнитогорского и Кузнецкого комбинатов. И успешно ее решили, освоив выплавку десятков новых марок стали, научившись катать броневую лист (из-за отсутствия прокатных станов) на обжимном стане блюминга.

Положительная динамика в военно-промышленном развитии страны проявилась уже в декабре 1941 г., когда начал возрастать выпуск военной продукции. Общее падение производства в ведущих отраслях тяжелой промышленности прекратилось в марте 1942 г. К середине того года в восточных районах страны действовало уже 1200 крупных эвакуированных предприятий.

Перевод экономики на военные рельсы удалось завершить в течение первого года войны. Отечественная промышленность, выпустив в 1942 г. орудий и минометов всех калибров (кроме танковых, корабельных и авиационных) – 287 тыс., танков – 24,5 тыс., боевых самолетов – 21,7 тыс., стрелкового оружия – 5,9 млн единиц, сполна обеспечила потребности Красной Армии. В войска поступало вооружения в 1,8–2,7 раза больше, чем утрачивалось в боях. Так закладывалась материальная база коренного перелома в ходе войны.

Закладывалась она самоотверженным, поистине героическим трудом наших соотечественников. Повестью о невероятной человеческой стойкости советских людей назвал этот трудовой подвиг известный английский журналист Александр Верт, написавший книгу “Россия в войне” и давший тем самым западному читателю дополнительную пищу для размышлений о “загадочной русской душе”. “В большинстве мест условия жизни были ужасающие, зачастую не хватало продовольствия, – рисовал объективную картину Верт. – Люди работали, ибо знали, что это абсолютно необходимо, и они не отходили от станков по двенадцать, тринадцать, четырнадцать часов в сутки, они “жили на нервах”, они понимали, что никогда еще их работа не была так нужна”.

На производство пришли сотни тысяч ветеранов производства, вчерашних домохозяек, студентов, а то и учащихся школ. Они трудились там, где до войны были лишь физически крепкие мужчины – в авиационной промышленности, судостроении, цветной металлургии, тяжелом машиностроении, на электростанциях.

Сами за себя говорят строки письма, направленного из Перми землякам-уральцам на фронт: “В 6 часов утра поднимаются они с постели и, запахнувшись в отцовский ватник, спешат – и в трескучий мороз, и в страшную вьюгу, по колено утопая в снегу, в дождь и осеннюю грязь – на далекий завод, чтобы стать у самого сложного станка. Глядя на него (подростка. – Ю. Р.), трудно поверить, что ему 14–15 лет. Он подставляет два ящика, чтобы дотянуться до шпинделя станка; всем телом налегает на рукоятку, чтобы переключить скорость. Но видели бы вы, как он работает! Всем своим существом он как бы сливается с машиной и обгоняет ее. Он устает, очень устает. Но видел ли кто-нибудь его слезы? И он не может работать тише: ведь его снарядами брат и отец громят врага. Это не героика, это будни нашего тыла”.

Под лозунгом “Все для фронта, все для победы!” трудился, разумеется, не один восток. Москва и Тула, Куйбышев и Баку, Мурманск и Астрахань – повсеместно на не подвергшейся оккупации советской земле люди напрягали все силы. Настоящий подвиг совершили трудящиеся блокадного Ленинграда. В течение 900 дней отрезанный от Большой земли, с удавкой голода на шее, систематически обстреливаемый и подвергавшийся бомбежкам город изготавливал и ремонтировал для фронта танки и артиллерийские орудия, выпускал снаряды и патроны. С 20 ноября 1941 г. жители получали самую низкую норму хлеба за время блокады: 250 г – рабочие, все остальные по 125 г. Из 2 млн человек, составлявших население города, от голода, лишений, обстре-

лов и бомбежек погибли не менее 800 тыс. И все же ленинградцы выстояли, не пустили фашистов в свои дома.

Вопрос “новопрочтенцам”: есть ли хоть один пример подобной стойкости в иных странах?

А как трудилось во имя Победы село! В 1941–1945 гг. было произведено и направлено на довольствие Красной Армии около 40 млн тонн продовольствия и фуража. И это при том, что в среднем каждый год войны в армию и промышленность уходили почти 10% крестьян. В связи с этим основной силой на производстве стали женщины, их доля в общей численности трудоспособных составляла около 80%. Тяжесть работ разделили с ними подростки и старики. В 1945 г. из 17,3 млн человек, работавших в колхозах, трудоспособные мужчины составляли всего 2,8 млн.

Положение сельского населения было не лучшим, если не худшим, по сравнению с городом. На государственное снабжение оно не принималось. В колхозах действовал остаточный принцип оплаты трудодней, а поскольку вся производимая колхозами продукция уходила государству по госпоставкам, то на трудодни людям выделялись буквально крохи – в день в среднем меньше стакана зерна, одна картофелина и немного овощей. Острая нехватка продовольствия ощущалась в большинстве районов страны на протяжении всей войны. В 1942–1943 гг. люди пухли от голода в Читинской, Челябинской, Вологодской, Томской областях. Не лучше положение было в 1944 г. в Свердловской, Горьковской областях, Чувашской, Мордовской и Татарской АССР, Казахской АССР. Через год такая же картина наблюдалась в Узбекской, Кабардинской и Бурят-Монгольской АССР, где имелись многочисленные случаи смертности от истощения.

Изнурительный труд, бытовое неустройство, недоедание, а то и голод, тяжелые стрессы, связанные с гибелью на фронте или смертью в тылу близких и родных, резко повышали смертность, способствовали распространению болезней. Но наши сограждане держались, не поддаваясь отчаянию.

В 1944 г. объем валовой продукции промышленности впервые за годы войны перешагнул довоенный уровень, составив 104% по отношению к 1940 г., а производство военной продукции – 312%. Усилиями военной экономики страны обеспечивалось развертывание наступления Красной Армии на заключительном этапе войны.

Вопрос “новопрочтенцам”: если страна представляла собой один гигантский концлагерь, пошел бы народ на такие жертвы и полное самоотречение?

У людей, отстоявших многочасовую смену у станка, вернувшихся с колхозного поля, фермы, отошедших после суточного дежурства от операционного стола, находились силы, чтобы еще хоть чем-то помочь фронту. Государство получило крупные денежные средства от населения в результате подписки на военные займы – более 100 млрд руб. и распространения денежно-вещевых лотерей – около 13 млрд руб. Были случаи сдачи сверхкрупных сумм. Так, в Бурятии колхозник колхоза имени В. И. Ленина Джидинского аймака Б. Дондуков выкупил облигации второго государственного военного займа на 227 тыс. руб. наличными.

Важнейшая патриотическая инициатива родилась на московском заводе “Красный пролетарий”: здесь рабочие начали движение за создание Фонда обороны, вскоре охватившее всю страну. Каждый вносил свой посильный вклад: перечислял заработок или трудодни, сдавал облигации государственных займов, жертвовал деньги или ценности. Люди делали также адресные пожертвования: на строительство танковых колонн, авиаэскадрилий, на помощь раненым и инвалидам войны. Всего, по неполным подсчетам, в Фонд обороны и на строительство боевой техники поступило около 24 млрд руб., на которые было построено свыше 2,5 тыс. боевых самолетов, несколько тысяч танков, 8 подводных лодок, 16 военных катеров и много другой техники.

Организация сбора средств в Фонд обороны, в Фонд помощи раненым, в Фонд помощи детям и семьям бойцов Красной Армии стала одним из важнейших направлений деятельности Русской Православной Церкви. “Люди отдавали свои сбережения, свои ценности, предметы обихода, несли золотые броши, серьги, цепочки, часы, кольца, бриллианты, серебряные ризы с икон, украшения, наперсные и настольные кресты и цепи, был даже кусок платины весом 197,7 грамма”, – вспоминал архиепископ Григорий (Чуков).

По подсчетам Московской Патриархии, к лету 1945 г. было собрано около 300 млн руб., не считая драгоценностей, вещей и продуктов. Реально общая сумма была больше, имея в виду несовершенство учета, а также то, что многие верующие под влиянием призывов иерархов церкви вносили деньги непосредственно в банки.

Были просто уникальные случаи. Священник Федор Пузанов из села Бродовичи-Заполье на оккупированной Псковщине собрал среди верующих золота, серебра, церковной утвари и денег на общую сумму около 500 тыс. руб., а затем через партизан передал их на Большую землю. Эти деньги и ценности пошли на строительство танковой колонны “Димитрий Донской”. Подобную работу на оккупированной территории Белоруссии проводил священник Григорий Чаус, передав через партизан в Москву крупные суммы денег и ценности.

Трудящиеся города и деревни шефствовали над госпиталями. Более 5,5 млн граждан регулярно сдавали свою кровь для раненых. Крестьянство бескорыстно поставляло воинам, находившимся на излечении, муку, мясо, яйца, сливочное масло, молоко, фрукты, овощи, ягоды, мёд. И это, напомним, в условиях тяжелейшего продовольственного положения самой деревни, когда на счету крестьянина находилась буквально каждая горсть зерна и кружка молока. Но люди отдавали последнее, осознавая необходимость жертв и лишения во имя главного – победы над врагом.

Тщетными оказались попытки нацистов расколоть СССР по социальному, этническому, конфессиональному признакам. “Чувство семьи единой” в полной мере проявилось, когда в связи с отступлением Красной Армии и эвакуацией миллионы людей остались без крыши над головой. Власти центральных и восточных районов СССР не могли обеспечить всех эвакуированных жильем и хотя бы сносными бытовыми условиями. Проблема решалась самим населением, приютившим у себя тех, кто прибыл из попавших под фашистскую оккупацию мест.

Особым вниманием и заботой окружали, естественно, детей, эвакуированных из фронтовых и прифронтовых районов. Только из Москвы и Ленинграда в восточные районы было вывезено 800 тыс. детей. Сотни тысяч детей прибыли в Среднюю Азию, Казахстан, Сибирь из Белоруссии, Прибалтики, с Украины, Северного Кавказа и других районов, подвергшихся оккупации.

Многие дети, оставшиеся сиротами, обретали новые семьи. Узбекский колхозник Шаахмет Шаахмудов усыновил 14 детей разных национальностей. Жительница Ставрополя А. А. Деревская приняла в свой дом 25 сирот, родители которых погибли в сражениях за Ленинград, Украину и Белоруссию. Всего за годы войны на воспитание в семьи было взято примерно 350 тыс. сирот.

Общие невзгоды и испытания сплотили советских людей. Война – самое разрушительное, жестокое и кровавое, что можно только придумать, – высветила в большинстве наших соотечественников лучшие гуманистические качества – стойкость перед трудностями, милосердие, сострадание, бескорыстие.

Вопрос “новопрочтенцам”: можно ли побудить к проявлению таких чувств репрессиями и “промыванием мозгов” со стороны “ненавистной” народу власти?

Победа нуждается в защите

Главной коллективной наградой была для всех советских людей Великая Победа. Но хотя более 60 лет отделяют нас от победного мая 1945 г., это далеко не перевернутая страница истории. Война “проросла” в нашу действительность: к счастью, живы ее непосредственные участники и современники, развиваются многие рожденные ею идеи и общественные настроения. Продолжается символизируемая Великой Отечественной борьба добра со злом, прогресса с реакцией, и Россия, восстанавливающая свое национальное сознание, вновь обретает роль системообразующего фактора международных отношений, становясь препятствием на пути очередного претендента на мировое господство.

Что проблематика минувшей войны до сих пор актуальна, лишний раз доказывают повторяющиеся с регулярной частотой попытки пересмотреть ее итоги, навязать обществу оценки, далекие от исторической правды. Тем не менее ни у кого из здравомыслящих и объективных людей не вызывает сомне-

ний правильность вердикта международного Нюрнбергского трибунала, возложившего ответственность за развязывание войны на фашистскую Германию. Нападение на Советский Союз было одним из важнейших звеньев в стремлении гитлеровцев к мировому господству, к утверждению на территории целых континентов так называемого “нового порядка”. По существу в той войне решалось будущее мировой цивилизации, и на пути агрессоров встал как опора для других антифашистских государств именно Советский Союз.

Гитлеровская агрессия поставила под смертельную угрозу не только суверенитет и территориальную целостность СССР, но само существование нашего народа и образованного им государства. Сегодняшние “власовцы”, кем бы они ни были – реальными перебежчиками, в свое время избежавшими справедливого наказания, эмигрантами, либеральствующими правозащитниками, бывшими партийными функционерами, в начале 90-х годов прошлого столетия в одночасье возлюбившими антикоммунизм, литераторами или кинематографистами “новой волны”, порицают советских людей за то, что те не воспользовались тяжелой военной ситуацией и не “сбросили сталинский режим”.

В годы Великой Отечественной войны конфликт между властью и народом не только не был неразрешимым, но его острота заметно снизилась по сравнению с довоенным временем. В экстремальных условиях военных лет возникла ситуация, при которой обе стороны оказались кровно заинтересованными в победе над фашизмом, хотя побудительные причины у них были разными. Стремление правящего режима к защите самого строя, установившегося в СССР, совпало с интересами народа, боровшегося за свою независимость, причем тем больше, чем энергичнее власть сражалась за свои завоевания.

Конечно, миллионы людей не формулировали этот вывод столь же четко, как современные ученые, но этого и не требовалось, чтобы увидеть, что власть с ними заодно в борьбе с агрессорами. Полагаем, что именно поэтому (а не только из-за имевшегося в распоряжении власти мощного карательного аппарата) история войны не знает ни крупных антисоветских восстаний в тылу (за исключением некоторых национальных районов Северного Кавказа), ни массового дезертирства из действующей армии (вспомним, что творилось, например, в годы Первой мировой войны), ни саботажа на трудовом фронте. Хотя, казалось бы, коллективизация, репрессии, выселение целых народов из мест постоянного проживания, тяжкие поражения в 1941–1942 гг. были подходящей почвой.

Это первое соображение, которым, безусловно, руководствовались фронтовики, хотя среди них было немало обиженных властью.

Второе: они беззаветно воевали с вермахтом, даже не допуская мысли о союзе с нацистами, также потому, что умели отделить священное Отечество от государства как политического института со всеми его несовершенствами.

Как бы ни уверяли нас “новопротенцы”, абсолютное большинство и фронтовиков, и тружеников тыла не только не чувствовали себя в некоем гигантском штрафбате, а тем паче лагере, но, наоборот, раскрепостились. Война потребовала невиданной самостоятельности и инициативы, на каждом шагу ставила в ситуацию, при которой и руководитель, и рядовой человек должны были принимать важные решения, не оглядываясь на те факторы, которые были так значимы в мирные дни – звания и награды, мнение кадрового органа и звонок из райкома партии, социальное происхождение и родственные связи. Их поступки определяло очень простое правило: если не я, то кто же.

Люди осознавали, что под обломками режима, если вдруг победу одержит враг, будет погребена Родина. И в таком случае будущего не будет не только у поверженного государства, но и у них самих. Победа гитлеризма для России означала бы национальную катастрофу.

В условиях, когда иноземное нашествие угрожало самому существованию нашей страны, патриотические, национальные интересы во многом подчинили себе советскую систему. Определяющими в сознании народа стали понятия, которые коммунистическая идеология много лет отторгала, – Родина, Отечество, вера в божественное покровительство. Война сразу же стала и Отечественной, и народной, и советские люди постоянно, как бы трагически ни складывались события на фронте, ощущали свое духовное и моральное превосходство над захватчиками.

И, наконец, третий фактор, позволивший власти и народу действовать в войне заодно. Сегодня много спорят о том, благодаря или вопреки сталиниз-

му победил советский народ. Если прежде в литературе существовавшая в СССР система власти, руководящая роль коммунистической партии однозначно рассматривались как важнейшие факторы победы в Великой Отечественной войне, то ныне высказываются диаметрально противоположные оценки.

Спор выглядит несколько схоластическим. Правящий режим, защищая себя, сумел мобилизовать народ и тем самым защитил его. Система госвласти, персонифицированная в личности Сталина, в условиях начавшейся войны осуществила быстрый переход к строжайшему централизму. Разветвленная структура советских, хозяйственных и других общественно-конституционных органов полностью превратилась в придаток партийно-государственного аппарата, облеченного неограниченной властью. С этой точки зрения, если оставаться в рамках историзма, просто глупо отрицать руководящую, направляющую и организующую роль компартии в годы войны. Ведь она представляла собой не столько политическую организацию, сколько важнейший элемент государственной власти, и уже в силу этого оказывала на все процессы в государстве и обществе ключевое влияние.

Экстремальная обстановка потребовала и экстремальных методов. Это оттолкнуло от власти лишь небольшую часть населения. В целом народ проявил исключительное понимание экстремального характера обстановки и ответил невиданным подвижничеством и самоотверженностью. На алтарь Победы было положено всё и даже больше.

Подвиг старших поколений и сегодня питает здоровые силы российского общества, переживающего вместе со своей страной трудные переломные времена. В такие моменты истории люди испытывают особую потребность в духовных опорах, которые они находят, обращаясь к опыту предков, к их героическим боевым и трудовым традициям, к их религиозному подвижничеству и даже к их жертвам и трагическим заблуждениям.

Но недаром говорится: одни видят в прошлом жар исторического костра, а другие довольствуются холодным пеплом. Попытки определенных сил как внутри России, так и за ее пределами пересмотреть итоги Великой Отечественной войны, задним числом переиграть, “перевоевать” ее, навязать общественному мнению оценки, далекие от исторической правды разрывают связи между поколениями, цинично поощряют танцы на “отеческих гробах”, порождают в сознании людей, особенно молодых, исторический нигилизм, морально пригибают к земле, заставляя стыдиться своего поверженного и оплеванного Отечества. Но наиболее опасны они тем, что препятствуют извлечению из прошлого необходимых уроков. Между тем правдивое освещение истории Великой Отечественной войны помогает найти ответ на чрезвычайно актуальный в сегодняшних условиях вопрос: что позволило нашему народу выстоять в годы суровых испытаний, перенести невиданные лишения и при этом сохранить свои лучшие качества, не утратить веру в светлые идеалы, в трудную и потому особенно желанную Победу?

Ответ на этот вопрос подскажет, что надо сделать, чтобы защитить нашу Победу и отстоять право россиян на достойное будущее.